
Пока сердце помнит
Тайны одной семьи...
История, которая
изменит всё

Анастасия Келлер

Пока сердце помнит

«Автор»
2026

Келлер А.

Пока сердце помнит / А. Келлер — «Автор», 2026

Иногда прошлое возвращается не для того, чтобы напомнить о любви. Ачтобы разрушить всё, во что ты верила.Анна всегда считала себя счастливой женщиной. Любящий муж, маленькаядочь, уютный дом — казалось, у неё есть всё, о чём можно мечтать.Но однажды после смерти матери Анна находит старое письмо. Несколькострок, написанных дрожащей рукой, переворачивают её представление особственной семье.А потом возвращается Александр.Мужчина, которого она когда-то любила больше жизни. Тот, кто однажды исчез,не сказав ни слова. Тот, кого она так и не смогла забыть.Теперь он утверждает, что знает правду о её прошлом.Но чем ближе Анна подбирается к разгадке, тем больше понимает: самыестрашные тайны хранят не чужие люди, а те, кого мы называем семьёй.Можно ли простить ложь? Можно ли снова доверять человеку, которыйоднажды разбил твоё сердце? И что делать, если правда способна уничтожитьвсё, что ты любила? Некоторые истории любви не заканчиваются. Они просто ждут своегочаса.

© Келлер А., 2026
© Автор, 2026

Анастасия Келлер
Пока сердце помнит

ПОКА СЕРДЦЕ ПОМНИТ
Анастасия Келлер
Тайны одной семьи. Книга первая

ПОКА СЕРДЦЕ ПОМНИТ

Иногда прошлое возвращается не для того, чтобы напомнить о любви. А чтобы разрушить всё, во что ты верила.

Анна всегда считала себя счастливой женщиной. Любящий муж, маленькая дочь, уютный дом — казалось, у неё есть всё, о чём можно мечтать.

Но однажды после смерти матери Анна находит старое письмо. Несколько строк, написанных дрожащей рукой, переворачивают её представление о собственной семье.

А потом возвращается Александр.

Мужчина, которого она когда-то любила больше жизни. Тот, кто однажды исчез, не сказав ни слова. Тот, кого она так и не смогла забыть.

Теперь он утверждает, что знает правду о её прошлом.

Но чем ближе Анна подбирается к разгадке, тем больше понимает: самые страшные тайны хранят не чужие люди, а те, кого мы называем семьёй.

Можно ли простить ложь? Можно ли снова доверять человеку, который однажды разбил твоё сердце? И что делать, если правда способна уничтожить всё, что ты любила?

Некоторые истории любви не заканчиваются. Они просто ждут своего часа.

ПОКА СЕРДЦЕ ПОМНИТ

Книга первая из серии «Тайны одной семьи»

Глава 1. Обычный вторник

Я всегда думала, что самые страшные перемены начинаются громко.

С криков, разбитой посуды, хлопнувших дверей или хотя бы с телефонного звонка среди ночи.

Но в моей жизни всё началось с обычного вторника. За окном шёл дождь. Петербург снова выглядел так, словно кто-то забыл выключить серый фильтр: мокрые крыши, запотевшие окна, редкие прохожие под чёрными зонтами. На кухне остывал кофе, в детской тихо играла София, а мой муж Дмитрий собирался на работу.

Самое обычное утро.

Самая обычная жизнь.

— Ань, ты меня слушаешь?

Я подняла глаза от чашки.

Дима стоял возле кухонного острова, застёгивая часы. Тёмная рубашка, идеально выглаженные брюки, привычное выражение лица человека, который точно знает, что будет делать следующие десять часов своей жизни.

— Прости. Задумалась.

— Я говорю, сегодня задержусь. Не жди к ужину.

— Хорошо.

Он подошёл, коснулся губами моей щеки и взял со стола ключи.

— И ещё. Ты собиралась разобрать мамины вещи. Может, попросишь кого- нибудь помочь? Не нужно опять всё делать самой.

Я посмотрела на него.

Мама умерла три месяца назад. Иногда мне казалось, что я уже научилась жить с этим. А иногда я ловила себя на том, что набираю её номер, чтобы рассказать какую-нибудь глупость, и только потом вспоминала, что больше никто не ответит.

— Я справлюсь, Дим.

Он задержал на мне взгляд.

— Я не сомневаюсь.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Точнее, почти одна. Из детской доносился голос Софии, которая разговаривала со своими игрушками и, судя по интонации, уже успела отчитать плюшевого зайца за плохое поведение. Я невольно улыбнулась.

Дети удивительным образом умеют возвращать тебя в реальность, даже когда внутри всё давно остановилось.

Мамины вещи всё ещё стояли в коробках в маленькой комнате, которую мы давно называли кабинетом.

Я откладывала разбор уже несколько недель.

Не потому, что не хватало времени. Просто не хотелось признавать, что теперь от мамы остались только вещи, запах духов на старом шарфе и фотографии, на которых она всегда улыбалась немного шире, чем в жизни.

Я открыла первую коробку.

Платки. Книги. Старые открытки. Несколько фотографий из моего детства.

На одной из них я сидела у неё на коленях, с двумя смешными косичками и огромным мороженым в руках.

Мама смеялась.

Я долго смотрела на снимок, прежде чем положить его обратно.

— Мам, ну зачем ты так рано ушла? — тихо произнесла я.

Ответом была только тишина.

Через некоторое время я добралась до старой деревянной шкатулки.

Помнила её с детства. Тёмное дерево, потёртые углы, маленький латунный замочек. Мама хранила в ней украшения, но никогда не разрешала мне брать её без спроса.

Замочек давно сломался.

Я открыла крышку.

Внутри лежали старые серьги, цепочка с маленьким крестиком, несколько пуговиц и пожелтевшая фотография.

Я взяла её.

На снимке мама стояла возле какого-то дома. Она была совсем молодой, с длинными волосами и непривычно серьёзным выражением лица. Рядом с ней находился мужчина.

Я никогда его не видела.

Он стоял вполоборота к камере, поэтому лицо было видно не полностью. Высокий, темноволосый, в светлой рубашке. Его рука лежала на мамином плече.

Странно.

Я знала почти все фотографии мамы. Знала её подруг, коллег, родственников. Но этого человека не помнила.

Я перевернула снимок.

На обратной стороне синими чернилами было написано:

«Вере. И нашей маленькой девочке. Прости, что не смог остаться. Павел. 2001 год».

Я перечитала надпись.

Павел.

Это имя показалось мне знакомым, хотя я не могла вспомнить откуда.

Мама никогда не рассказывала мне о мужчине по имени Павел.

Мой отец погиб, когда я была маленькой. По крайней мере, именно так мне всегда говорили. Я почти не помнила его, а фотографий у нас дома было совсем немного.

Я снова посмотрела на снимок.

Неужели это он?

Мой отец?

Я села на край дивана и долго рассматривала фотографию. Мужчина выглядел молодым. Мама тоже. Между ними было что-то такое, чего не передать словами. Не просто знакомство или дружба.

Он держал её за плечо так, будто боялся отпустить.

Я перевернула фотографию ещё раз.

«И нашей маленькой девочке». Мне стало не по себе.

Почему мама никогда не показывала мне этот снимок?

Почему он хранился в самой глубине шкатулки?

И почему слова «прости, что не смог остаться» вдруг показались мне гораздо страшнее, чем могли бы показаться обычному человеку?

— Мамочка!

Я вздрогнула.

В дверях стояла София. В розовой пижаме, с растрёпанными волосами и любимым зайцем под мышкой.

— Ты чего сидишь? — спросила она.

Я быстро убрала фотографию в ладонь.

— Ничего, солнышко. Просто разбираю бабушкины вещи.

Дочка подошла ко мне и забралась на диван.

— А бабушка там тоже разбирает вещи?

Я улыбнулась, хотя внутри что-то болезненно сжалось.

— Нет, зайка. Там ей уже ничего не нужно.

София немного подумала, а потом обняла меня за шею.

— А я бы ей свои рисунки отправила.

Я поцеловала её в макушку.

— Она бы очень обрадовалась.

Мы ещё немного посидели вместе, а потом София убежала обратно к игрушкам.

Я снова достала фотографию.

Теперь мне хотелось узнать всё.

Но сначала нужно было найти документы.

Я помнила, что мама хранила свидетельства, старые справки и семейные бумаги в отдельной папке. Возможно, там было что-нибудь об отце. Я перебрала ещё две коробки, открыла старый альбом, заглянула в ящики комода.

Ничего.

Уже собираясь отложить поиски, я заметила на дне шкатулки небольшую деревянную пластину. Она слегка выступала из основания.

Я нажала на неё.

Раздался тихий щелчок.

Дно приподнялось.

Под ним лежал маленький конверт.

Моё имя было написано знакомым почерком.

«Анне. Прочитать, когда я уже не смогу тебе всё объяснить».

У меня похолодели пальцы.

Я несколько секунд просто смотрела на конверт.

Потом осторожно вскрыла его.

Внутри оказался сложенный вдвое лист бумаги.

Почерк мамы был неровным, словно она писала в спешке.

Я начала читать.

«Анечка, моя девочка.

Если ты держишь это письмо в руках, значит, меня уже нет рядом. Я очень надеюсь, что ты смогла простить мне моё молчание. Я слишком долго собиралась рассказать тебе правду, но каждый раз находила причину отложить разговор.

Есть вещи, которые я должна была объяснить тебе ещё много лет назад.

Твой отец не погиб так, как тебе рассказывали.

Я перестала дышать.

За окном проехала машина, где-то в соседнем подъезде хлопнула дверь, а на кухне тихо щёлкнул остывающий чайник.

Я перечитала строчку. Потом ещё раз.

Твой отец не погиб так, как тебе рассказывали.

Ниже было написано:

«И если однажды в твоей жизни снова появится Александр, пожалуйста, не спеши ему верить. Но и не отворачивайся от него, не узнав всей правды.

Прости меня.

Мама».

Я опустила письмо на колени.

Александр.

Я не произносила это имя пятнадцать лет.

Пятнадцать лет я убеждала себя, что всё давно закончилось. Что первая любовь осталась где-то в далёком прошлом, вместе с беззаботными летними вечерами, глупыми обещаниями и человеком, который однажды просто исчез.

Я думала, что больше никогда о нём не вспомню.

Но теперь его имя стояло в письме моей матери.

И впервые за долгое время мне стало по-настоящему страшно.

Потому что я вдруг поняла: возможно, моя жизнь никогда не была такой простой, какой я её считала.

А где-то в старой шкатулке, среди забытых фотографий и чужих воспоминаний, лежала правда, которую от меня скрывали почти всю жизнь.

Я ещё не знала, что именно она однажды заставит меня усомниться в каждом человеке, которого я любила.

И что самое страшное письмо я ещё даже не открыла.

Глава 2. Коробка из прошлого

Я почти не спала этой ночью.

Письмо лежало на прикроватной тумбочке, всего в нескольких сантиметрах от моей руки, но казалось, что между нами целая пропасть. Я несколько раз вставала, включала свет, перечитывала мамины слова и снова пыталась найти в них какой-нибудь другой смысл.

«Твой отец не погиб так, как тебе рассказывали».

Как это вообще понимать?

Если он не погиб, то где был все эти годы? Почему не искал меня? Почему мама позволила мне расти с мыслью, что у меня больше нет отца?

И самое главное — при чём здесь Александр?

Я повернулась на бок и посмотрела на спящего Дмитрия.

Он лежал ко мне спиной, ровно дышал, иногда чуть заметно шевелил плечом. Я знала каждую привычку этого человека. Знала, как он пьёт кофе, как морщит лоб, когда недоволен, как поправляет запонки перед важными встречами.

Мы прожили вместе почти девять лет.

И всё же впервые мне захотелось спросить себя: а насколько хорошо я его знаю?

Эта мысль показалась несправедливой.

Я отвернулась и закрыла глаза.

Утро началось с обычной суеты.

София никак не могла найти второй носок, потом отказалась от каши, а после заявила, что в садике, точнее, в школе, её ждёт очень важное дело — нужно закончить рисунок для конкурса.

Я помогла ей собрать рюкзак, заплела волосы и пообещала забрать пораньше.

Дмитрий уже сидел на кухне.

— Ты сегодня какая-то бледная, — заметил он, не отрываясь от телефона.

— Плохо спала.

— Опять из-за мамы?

Я поставила перед ним чашку.

— Наверное. Он поднял глаза.

— Ань, прошло три месяца. Я понимаю, что тебе тяжело, но ты должна потихоньку возвращаться к жизни.

Я ничего не ответила.

Наверное, он был прав. Только вот возвращаться к какой именно жизни? К той, в которой моя мать умерла, а отец, возможно, всё это время был жив?

— Ты сегодня поедешь к маме? — спросил он.

Я замерла.

— Куда?

— В её квартиру. Ты же хотела разобрать оставшиеся вещи.

Я медленно поставила сахарницу на стол.

— Откуда ты знаешь, что я вчера там была?

Дмитрий наконец отложил телефон.

— Ты сама говорила, что собираешься.

— Да, говорила. Просто не помню, чтобы рассказывала тебе, что уже ездила.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Аня, ты серьёзно? Я вчера вечером спросил, как прошёл день. Ты ответила, что была у мамы.

Я попыталась вспомнить.

Вчера вечером мы действительно разговаривали. Но я была настолько погружена в свои мысли, что почти не помнила беседы.

— Возможно, — произнесла я.

Дмитрий пожал плечами и вернулся к телефону.

— Ты слишком много думаешь в последнее время.

Эта фраза почему-то задела меня сильнее, чем должна была.

— А ты слишком мало спрашиваешь, — неожиданно для себя ответила я.

Он поднял глаза. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

Потом Дмитрий улыбнулся — той самой улыбкой, которой обычно заканчивал неприятные разговоры.

— Хорошего дня, любимая.

Он поцеловал меня в лоб и вышел из кухни.

Я осталась стоять возле стола.

И впервые за всё время нашего брака мне показалось, что его поцелуй был просто способом поставить точку.

После того как я отвезла Софию в школу, я поехала к маме.

Её квартира находилась на Васильевском острове, в старом доме с высокими потолками и тяжёлой парадной дверью. Я любила это место ещё с детства. Здесь пахло деревом, старой мебелью и чем-то неуловимо родным.

Я открыла дверь и вошла.

В квартире было тихо.

Слишком тихо.

Я сняла пальто, прошла на кухню и машинально посмотрела на подоконник. Мама всегда держала там фиалки. Последняя засохла ещё перед её смертью, но я так и не решилась выбросить горшок.

— Ну здравствуй, мам, — прошептала я.

В ответ, конечно, ничего.

Я поставила сумку на стул и вернулась в комнату, где накануне нашла шкатулку.

Теперь я знала, что искать.

Документы. Письма. Всё, что могло рассказать мне о Павле.

Начала с комода.

Верхний ящик был забит старыми квитанциями, рецептами и какими-то записными книжками. Во втором лежали фотографии, перевязанные выцветшей лентой. Я развязала её.

На первых снимках была я маленькая, потом мама, бабушка, какие-то семейные праздники.

И вдруг — знакомое лицо.

Александр.

Я почувствовала, как сердце неприятно сжалось.

На фотографии ему было лет двадцать. Он стоял возле маминого дома, в той самой чёрной куртке, которую я помнила до мельчайших деталей.

Рядом стояла мама.

Они смотрели не в камеру, а друг на друга.

Я перевернула снимок.

Дата: сентябрь 2012 года.

Я долго смотрела на цифры.

Сентябрь 2012-го.

Это был тот самый месяц, когда Александр исчез.

Но почему он был у мамы?

Я перевернула фотографию обратно, надеясь найти на ней хоть какую-то подсказку. Ничего.

Только два человека, которые, судя по выражению лиц, знали друг о друге гораздо больше, чем мне хотелось бы думать.

Я положила фотографию отдельно.

Теперь нужно было найти другие снимки.

К обеду квартира выглядела так, будто в ней произошёл небольшой переворот.

На полу стояли открытые коробки, на диване лежали альбомы, а я сама сидела среди старых бумаг с чашкой давно остывшего чая.

В нижнем ящике письменного стола обнаружилась папка с документами. Свидетельство о рождении. Старые справки. Медицинские бумаги.

Я открыла папку и стала листать.

На одной из страниц было указано имя моего отца.

Павел Андреевич Беляев.

Я никогда не видела его полного имени.

Рядом лежала копия свидетельства о смерти.

Дата — 2001 год.

Я внимательно посмотрела на документ.

Что-то в нём показалось странным.

Слишком мало информации. Ни места смерти, ни подробностей. Только сухая формулировка и печать.

Я достала телефон и сфотографировала страницу.

В этот момент зазвонил мобильный.

Дмитрий.

— Да?

— Ты где?

— У мамы.

— До сих пор?

Я посмотрела на часы.

— Да, а что?

— Я звонил тебе два раза.

— Извини, не слышала.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Ты нашла что-нибудь интересное?

Я нахмурилась. — В каком смысле?

— Ну, документы, фотографии. Ты же разбираешь вещи.

Я посмотрела на открытую папку.

— Да. Нашла несколько старых документов.

— Ничего важного?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

— Пока не знаю.

— Понятно.

Он снова замолчал.

— Дим, ты чего-то хочешь спросить?

— Нет, Ань. Просто хотел узнать, когда ты вернёшься.

— Скоро.

— Хорошо. Только не задерживайся допоздна.

Разговор закончился.

Я ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

Почему он так интересовался документами?

Возможно, я просто искала подвох там, где его не было.

Но теперь даже самые обычные вопросы Дмитрия заставляли меня настораживаться.

Я уже собиралась закрывать папку, когда заметила небольшой конверт, зажатый между двумя листами.

Он был почти незаметен.

На лицевой стороне стояло имя:

«Вере. Лично в руки».

Я осторожно открыла его. Внутри лежала записка.

Всего несколько строк.

«Вера, я понимаю, что ты боишься. Но он должен знать, что у него есть дочь. Нельзя всю жизнь прятать человека от самого себя. Если ты не решишься рассказать Анне, однажды это сделаю я.

Пожалуйста, ответь.

Михаил».

Я перечитала записку.

Михаил.

Кто такой Михаил?

И кто этот «он»?

Павел?

Я перевернула лист, но на обратной стороне ничего не было.

Внизу конверта обнаружилась ещё одна маленькая бумажка. На ней был написан номер телефона, а рядом — дата.

2006 год.

Я сфотографировала и её.

Затем осторожно сложила всё обратно.

В квартире вдруг стало неуютно.

Мне казалось, что я нахожусь не среди маминых вещей, а внутри чужой истории, в которую случайно попала и теперь не могла выбраться.

Я посмотрела на часы.

Пора было ехать за Софией.

Перед уходом я ещё раз оглядела комнату и заметила, что на письменном столе осталась одна фотография.

Та самая, где мама стояла рядом с Александром.

Я взяла её и убрала в сумку. Не знаю почему, но мне хотелось забрать её с собой.

Когда я вернулась домой, Дмитрий уже был на кухне.

Он стоял возле окна и разговаривал по телефону.

— Нет, я сказал, что пока ничего не нужно предпринимать, — произнёс он негромко.

Я остановилась в коридоре.

Он продолжал говорить, не замечая меня.

— Я сам всё решу. Не надо вмешивать Анну.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

Анну.

Он назвал меня по имени, словно обсуждал не жену, а какую-то проблему.

Я сделала шаг вперёд.

Дмитрий обернулся.

Его лицо мгновенно изменилось.

— Я перезвоню, — коротко сказал он и завершил разговор.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

— Кто это был? — спросила я.

— По работе.

— А что ты там решаешь без моего ведома?

Он убрал телефон в карман.

— Ань, не начинай.

— Я просто задала вопрос.

— И я тебе ответил.

Он подошёл к столу, взял стакан воды и сделал несколько глотков. Я смотрела на него и вспоминала утренний разговор, его вопросы о документах, странную заинтересованность.

— Дима, ты знаешь что-нибудь о моём отце?

Стакан замер у его губ.

Всего на секунду.

Но я заметила.

Он поставил воду на стол.

— С чего вдруг такой вопрос?

— Я нашла документы у мамы.

— Какие документы?

— Свидетельство о смерти. Письма. Фотографии.

Дмитрий отвёл взгляд.

— Аня, твоя мама давно умерла. Не нужно сейчас пытаться искать в прошлом какие-то загадки.

— А если они там есть?

— Что ты хочешь услышать?

Я не ответила.

Он подошёл ближе и осторожно взял меня за плечи.

— Послушай меня. Ты устала. Тебе нужно отдохнуть. Не накручивай себя.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Дим, мой отец действительно погиб?

Его пальцы слегка напряглись.

— Конечно.

— Тогда почему мама написала, что это неправда?

В комнате стало тихо.

Дмитрий медленно убрал руки с моих плеч. Впервые за всё время я увидела в его глазах не раздражение и не усталость.

Страх.

Настоящий страх человека, которого застали врасплох.

— Какое письмо? — спросил он.

Я поняла, что совершила ошибку.

Я не должна была рассказывать ему о письме.

Но было уже поздно.

Дмитрий смотрел на меня, и я вдруг осознала: он не удивлён тем, что мой отец может быть жив.

Он удивлён тем, что я об этом узнала.

— Аня, — произнёс он тихо. — Где ты нашла это письмо?

Я сделала шаг назад.

— Почему тебя это так волнует?

Он провёл ладонью по лицу и отвернулся.

— Нам нужно поговорить.

— Я слушаю.

Дмитрий долго молчал.

Потом посмотрел на меня и произнёс:

— Только пообещай, что не будешь делать никаких глупостей.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что ты знаешь, Дима?

Он не ответил.

Вместо этого достал телефон, посмотрел на экран и выключил его.

— Твой отец, — наконец произнёс он, — не тот человек, которого ты помнишь.

Я невольно усмехнулась. — Я его практически не помню.

— Вот именно.

Он ушёл в кабинет, оставив меня посреди кухни.

Я слышала, как закрылась дверь.

И только тогда заметила, что всё ещё сжимаю в руке фотографию.

На ней мама стояла рядом с Александром.

Я перевернула снимок.

И вдруг увидела то, чего раньше не замечала.

В отражении окна за их спинами стоял ещё один человек.

Мужчина.

Его лицо было почти скрыто тенью, но на руке отчётливо виднелись дорогие часы.

Такие же, как у Дмитрия.

Я медленно опустила фотографию.

Впервые за много лет мне захотелось не просто узнать правду.

Мне захотелось понять, почему человек, которому я доверяла больше всех, так отчаянно пытался заставить меня её не искать.

Глава 3. Письмо, которое не должно

было существовать

В ту ночь я впервые за девять лет не захотела, чтобы Дмитрий лёг рядом.

Он вернулся из кабинета поздно. Я уже лежала в кровати, отвернувшись к окну, и делала вид, что сплю. На самом деле я слышала каждый его шаг, каждый шорох одежды, даже тихий щелчок выключателя.

Матрас прогнулся с его стороны.

— Ты не спишь? — спросил он.

Я не ответила. Дмитрий немного помолчал, затем осторожно коснулся моей руки.

Раньше от этого прикосновения мне становилось спокойно. Сейчас я едва заметно отодвинулась.

— Аня, нам нужно поговорить о том, что ты сегодня нашла.

Я закрыла глаза.

— Завтра.

— Это важно.

— Для кого, Дима? Для тебя или для меня?

Он убрал руку.

Я услышала тяжёлый вздох.

— Ты всё усложняешь.

— Возможно. Но, кажется, не я начала.

Несколько секунд он молчал. Потом отвернулся и больше ничего не сказал.

Я лежала в темноте и смотрела на полоску света, пробивавшуюся из-под двери.

Мне хотелось верить, что всё происходящее — какое-то нелепое недоразумение. Что утром Дмитрий объяснит своё поведение, что мама просто неудачно выразилась в письме, что Павел действительно погиб, а Александр и все эти старые фотографии никак не связаны между собой.

Но где-то глубоко внутри я уже понимала: так не бывает.

Слишком много совпадений.

Слишком много людей, которые предпочитали молчать.

И слишком много лет, которые у меня украли.

Утром Дмитрий ушёл раньше обычного.

На кухонном столе стояла чашка кофе и лежала записка:

«Уехал на встречу. Вечером поговорим. Люблю». Я перечитала последнюю строчку.

Люблю.

Странно, как иногда одно привычное слово может вдруг потерять смысл.

Я налила себе кофе, но пить не стала.

Вместо этого достала телефон и открыла фотографию, которую вчера сделала у мамы.

На обороте снимка с Александром не было ничего нового. Только дата и выцветшая надпись.

Я приблизила изображение.

Его лицо.

Те самые глаза, которые когда-то заставляли меня забывать обо всём на свете.

Я помнила его улыбку. Помнила, как он поправлял прядь моих волос, когда ветер лез в лицо. Как всегда шёл со стороны дороги, будто мог защитить меня даже от случайно проезжающей машины.

И помнила последний вечер.

Сентябрь. Холодный ветер. Его телефон, который он всё время проверял. И фразу, которую я тогда так и не смогла понять:

«Ань, однажды ты узнаешь, почему я должен уйти. Только, пожалуйста, не жди меня».

Я тогда рассмеялась.

Решила, что он шутит.

А потом он действительно ушёл.

Без звонков. Без сообщений. Без объяснений.

Я долго пыталась найти его. Звонила общим знакомым, писала на старые номера, приезжала к его дому. Но всё было бесполезно.

И постепенно я научилась жить без него.

По крайней мере, так мне казалось.

Я открыла браузер и набрала его имя. Александр Воронцов.

Результатов оказалось несколько. Бизнес-профиль, старое интервью, фотографии с какого-то делового мероприятия.

Я открыла одну из страниц.

На фотографии он стоял возле стеклянного здания, в тёмном костюме. Взрослый, серьёзный, уверенный в себе мужчина.

Совсем не тот мальчишка, которого я помнила.

Но взгляд остался прежним.

Я нашла ссылку на компанию, в которой он работал, и номер приёмной.

Палец завис над экраном.

Что я ему скажу?

«Привет, Саша. Помнишь меня? Кстати, моя мама оставила письмо, в котором упомянула твоё имя, а мой муж, кажется, знает что-то о моём отце».

Звучало безумно.

Я отложила телефон.

Но уже через минуту снова взяла его в руки.

На этот раз я не стала звонить.

Я нашла адрес офиса и сохранила его.

К обеду я всё-таки решилась.

София была в школе, Дмитрий на работе, а я не могла больше сидеть в квартире, где каждый предмет напоминал о вопросах без ответов.

Я вызвала такси.

Петербург за окном был мокрым и холодным. На тротуарах блестели лужи, прохожие торопились по своим делам, а я смотрела на город и думала о том, насколько странно устроена жизнь.

Иногда один человек может исчезнуть из твоей судьбы на пятнадцать лет, но достаточно одного письма, чтобы он снова занял всё пространство внутри тебя. Офис Александра находился в современном бизнес-центре недалеко от центра города.

Я несколько минут стояла у входа, собираясь с духом.

Потом всё-таки вошла.

Внутри было тепло. Пахло кофе, дорогими духами и свежей бумагой. За стойкой сидела девушка с аккуратно собранными волосами.

— Добрый день. Чем могу помочь?

Я назвала фамилию.

— Александр Воронцов. Он сейчас на месте?

Девушка посмотрела в компьютер.

— У вас назначена встреча?

— Нет. Но мне нужно с ним поговорить.

— По какому вопросу?

Я замялась.

— Личному.

Она снова посмотрела на экран.

— Одну минуту.

Я отошла к окну.

Сердце билось так сильно, что мне казалось, его слышат все вокруг.

Через пару минут девушка вернулась.

— Александр Сергеевич сможет принять вас через десять минут. Пожалуйста, подождите.

Я кивнула.

Десять минут.

Всего десять минут, прежде чем я снова увижу человека, которого когда-то любила. Он стоял возле большого окна, когда я вошла в кабинет.

Высокий, в тёмных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. На столе лежали документы, рядом стояла чашка кофе.

Он что-то читал, но, услышав звук открывшейся двери, поднял голову.

И замер.

Я тоже.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Время не остановилось. Не заиграла музыка. Не произошло ничего такого, о чём пишут в любовных романах.

Просто мужчина, которого я когда-то любила, стоял передо мной.

И я вдруг поняла, что совершенно не готова к этой встрече.

— Анна?

Он произнёс моё имя тихо, почти недоверчиво.

Я попыталась улыбнуться.

— Привет, Саша.

Он медленно выпрямился.

— Что ты здесь делаешь?

Я невольно усмехнулась.

— Хороший вопрос. Я сама пытаюсь это понять.

Александр обошёл стол.

— Садись.

— Я ненадолго.

— Всё равно садись.

В его голосе появилась та самая интонация, которую я помнила. Спокойная, немного властная. Раньше она мне нравилась. Сейчас раздражала.

Я села в кресло. Он остался стоять.

— Ты изменилась, — произнёс он.

— Прошло пятнадцать лет. Было бы странно, если бы я осталась прежней.

Он опустил взгляд.

— Да. Пятнадцать лет.

Я посмотрела на него.

— Ты хорошо считаешь.

— Я ничего не забыл, Аня.

От этих слов внутри что-то болезненно дрогнуло.

Я отвела глаза.

— Не называй меня так.

Он слегка нахмурился.

— Как?

— Так, будто мы вчера виделись.

Александр ничего не ответил.

Я достала из сумки фотографию и положила на стол.

— Ты помнишь этот снимок?

Он посмотрел на неё.

И его лицо изменилось.

Совсем немного. Но я заметила, как напряглась челюсть, как взгляд задержался на изображении дольше, чем следовало.

— Где ты её взяла?

— У мамы.

— Когда?

— Вчера. Он поднял глаза.

— Ты разбирала её вещи?

— Да.

Я достала письмо и положила рядом.

— А ещё я нашла вот это.

Александр не стал сразу брать лист.

— Что там?

— Прочитай.

Он развернул бумагу.

Я наблюдала за его лицом, пока он читал. Сначала оно оставалось неподвижным. Потом взгляд стал жёстче.

Когда он закончил, то аккуратно сложил письмо.

— Твоя мама не должна была оставлять это тебе.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Серьёзно? Это всё, что ты можешь сказать?

— Анна…

— Нет. Теперь ты будешь слушать меня.

Я встала.

— Пятнадцать лет назад ты исчез. Просто исчез, Саша. Я не знала, жив ли ты, где ты, что с тобой произошло. Я думала, что сделала что-то не так. Что ты разлюбил меня. Что тебе надоело. А теперь выясняется, что моя мать знала тебя, мой муж что-то скрывает, а отец, которого я считала погибшим, возможно, всё это время был жив!

Голос предательски дрогнул.

Я замолчала, пытаясь взять себя в руки.

Александр смотрел на меня.

— Я знаю, что причинил тебе боль. — Ты даже не представляешь какую.

— Представляю.

— Нет, Саша. Не представляешь. Потому что тебе не пришлось жить с вопросом, почему человек, который обещал никогда не уходить, однажды просто перестал существовать.

Он медленно подошёл ближе.

— Я не переставал тебя любить.

Я замерла.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что на мгновение я забыла, зачем приехала.

— Не надо, — прошептала я.

— Это правда.

— Пятнадцать лет, Александр.

— Я знаю.

— У меня муж. У меня дочь. У меня жизнь.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Я вижу.

Я отвернулась.

— Тогда не надо говорить мне о любви.

Он сделал ещё один шаг, но остановился, не решаясь прикоснуться.

— Ты права. Я не имею права просить у тебя ничего.

В его голосе было столько усталости, что мне вдруг захотелось спросить, что же всё-таки произошло.

Но я удержалась.

— Почему ты был у моей мамы в сентябре 2012-го?

Он опустил глаза на фотографию.

— Она попросила меня прийти. — Зачем?

— Чтобы поговорить о тебе.

Я почувствовала, как холодеют ладони.

— Обо мне?

— Да.

— И что она хотела?

Александр долго молчал.

Потом произнёс:

— Она попросила меня больше никогда не появляться в твоей жизни.

Я невольно рассмеялась.

Смех получился коротким и совсем не весёлым.

— Потрясающе. Значит, вы оба решили за меня, как мне жить?

— Анна, ты не понимаешь…

— Так объясни!

Он посмотрел на меня.

В его глазах было что-то, чего я не могла разобрать. Боль? Вина? Страх?

— Я не могу рассказать тебе всё здесь.

— А где можешь?

— Не по телефону и не в офисе.

— Почему?

Александр подошёл к столу, открыл ящик и достал небольшую визитку.

На обратной стороне написал адрес.

— Завтра в семь вечера. Если действительно хочешь узнать, что произошло пятнадцать лет назад, приходи сюда.

Я взяла карточку. — А если я не приду?

Он посмотрел на меня так, словно заранее знал ответ.

— Тогда я больше не буду тебя тревожить.

Я направилась к двери.

Уже взявшись за ручку, остановилась.

— Саша?

— Да?

Я обернулась.

— Моя мама знала, что мой отец жив?

Он закрыл глаза на мгновение.

Этого было достаточно.

— Да, — тихо ответил он.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— И ты знал?

Он не ответил сразу.

Потом произнёс:

— Я знал, что он может быть жив.

Я вышла, не сказав больше ни слова.

На улице моросил дождь.

Я шла по тротуару, сжимая в руке визитку. В голове звучали его слова.

«Она попросила меня больше никогда не появляться в твоей жизни».

«Я не переставал тебя любить».

«Я знал, что он может быть жив».

Я остановилась возле витрины и посмотрела на своё отражение. На меня смотрела взрослая женщина. С кольцом на пальце, с усталым лицом, с жизнью, которую она так старательно строила.

И вдруг мне стало страшно от мысли, что всё это может оказаться лишь красивой декорацией.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Дмитрия.

«Ты где? Я звонил».

Я посмотрела на экран и набрала ответ:

«Еду домой».

Через несколько секунд пришло новое сообщение.

«Ты сегодня была у Александра?»

Я перечитала его несколько раз.

Пальцы похолодели.

Откуда он знает?

Я подняла голову и машинально огляделась.

Люди спешили по своим делам, машины проезжали мимо, дождь становился сильнее.

Я снова посмотрела на телефон.

Следом пришло ещё одно сообщение.

«Анна, не делай того, о чём потом пожалеешь».

Я медленно опустила руку.

И впервые подумала о том, что, возможно, за мной наблюдают.

А может быть, всё гораздо проще.

Может быть, Дмитрий давно знает, что Александр вернулся.

И всё это время просто ждал, когда я сама сделаю первый шаг. Вечером, когда София уже спала, я достала из сумки визитку.

Адрес был написан от руки.

Я перевернула её.

На обратной стороне обнаружилась ещё одна короткая фраза:

«Анна, если ты хочешь узнать, почему я ушёл, спроси у своего мужа, кто такой Михаил».

Я перечитала её несколько раз.

Михаил.

Имя из маминой записки.

Я села на край кровати.

В этот момент за спиной раздался голос Дмитрия:

— Ты всё-таки встретилась с ним.

Я резко обернулась.

Муж стоял в дверях спальни.

И по его лицу я поняла, что он больше не собирается притворяться, будто ничего не знает.

— Дима… кто такой Михаил?

Он долго смотрел на меня.

Потом медленно прикрыл дверь.

— Человек, из-за которого твоя мать потеряла всё.

И в ту секунду я поняла, что самое страшное в этой истории ещё даже не началось.

Глава 4. Человек, которого боялась

мама

— Повтори, — попросила я. Дмитрий стоял в дверях спальни, не снимая часов. Он только вернулся домой, но по его лицу было понятно: разговор, которого мы оба избегали, наконец состоялся.

— Михаил. Человек, из-за которого твоя мать потеряла всё.

— Что именно она потеряла?

Он посмотрел на визитку в моей руке.

— Спокойствие. Дом. Возможность жить так, как хотела.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Я поднялась с кровати.

— Ты знаешь, кто он?

— Знаю.

— Тогда почему я узнаю о нём из записки, которую мама спрятала среди старых фотографий? Почему Александр отправляет меня к тебе с этим именем? И почему ты так испугался, когда я заговорила об отце?

Дмитрий провёл ладонью по лицу.

— Потому что ты не понимаешь, во что ввязываешься.

— Тогда объясни мне!

— Не кричи. София спит.

Я осеклась. В соседней комнате действительно спала наша дочь. Ей не нужно было слышать, как родители выясняют, сколько лет они лгали друг другу.

Я понизила голос.

— Хорошо. Объясни тихо.

Дмитрий прошёл в комнату и сел на край кресла.

— Михаил был другом твоего отца.

— Каким другом?

— Они вместе работали. Насколько я знаю, Михаил занимался юридическими вопросами, помогал Павлу с документами и делами. — А потом?

— Потом между ними что-то произошло.

— Что именно?

— Я не знаю всех подробностей.

Я посмотрела на него с недоверием.

— Ты опять говоришь, что не знаешь?

— Аня, я не могу рассказать то, чего сам не знаю.

— Но ты знаешь достаточно, чтобы бояться этого имени.

Он промолчал.

Я подошла к комоду, положила визитку и достала из ящика мамино письмо.

— Посмотри.

Дмитрий взял лист.

Я следила за его глазами, пока он читал.

— Откуда это? — спросил он.

— Из маминой шкатулки. Ты уже спрашивал.

— Нет, я имею в виду, откуда у неё это письмо?

— Наверное, от Михаила. Он написал его в 2006 году. Просил маму рассказать мне, что у меня есть отец.

Дмитрий медленно опустил лист.

— Значит, он всё-таки связался с ней.

— Ты знал?

— Нет.

— Дмитрий!

— Я не знал об этом письме, Анна. Я впервые услышала, как он произнёс моё полное имя. Обычно он называл меня Аней. Даже во время ссор. И почему-то именно сейчас эта перемена показалась мне особенно неприятной.

— Тогда расскажи, что ты знаешь о моём отце.

Дмитрий встал.

— Не сегодня.

— Нет. Сегодня.

— Ты устала. Я устал. Давай хотя бы одну ночь проживём без этого.

— Ты прожил пятнадцать лет без этого. А я только вчера узнала, что вся моя жизнь может быть построена на чужой лжи.

Он подошёл ко мне.

— Я не хочу тебя терять.

Я посмотрела на него.

В другой ситуации эти слова, возможно, растрогали бы меня. Но сейчас они звучали почти как просьба не задавать вопросов.

— Тогда перестань от меня что-то скрывать.

Он хотел ответить, но в этот момент из детской донёсся сонный голос:

— Мам?

Я сразу вышла из комнаты.

София сидела в кровати, прижимая к себе плюшевого зайца.

— Ты чего не спишь, солнышко?

— Мне приснилось, что ты ушла.

Я села рядом и убрала волосы с её лица.

— Я здесь.

— А папа тоже здесь?

— Конечно.

Она посмотрела на меня своими большими сонными глазами. — Вы не ругаетесь?

Я улыбнулась, хотя внутри всё сжалось.

— Мы просто разговариваем.

— А можно завтра вместе позавтракать? Чтобы никто никуда не торопился?

— Конечно, можно.

Я поцеловала её в лоб и укрыла одеялом.

Когда я вернулась в спальню, Дмитрий уже стоял у окна.

— Она всё слышит, — сказал он.

— Поэтому я и не хочу больше разговаривать с тобой шёпотом за закрытыми дверями.

Он обернулся.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу, чтобы у нашей дочери была нормальная семья. Но нормальная семья — это не та, в которой один человек решает, какую правду можно говорить другому.

Дмитрий долго смотрел на меня.

— Ты собираешься снова встретиться с Александром?

Я не ответила.

— Аня, я спрашиваю серьёзно.

— А я больше не собираюсь отчитываться за каждый свой шаг.

— Он не тот человек, за которого ты его принимаешь.

— А ты тот?

Он отвернулся.

И впервые за всё время нашего брака я увидела, что Дмитрию нечего ответить.

Утром я проснулась раньше всех. Долго лежала, прислушиваясь к тишине квартиры. Дмитрий спал рядом, повернувшись ко мне спиной. Между нами оставалось совсем немного места, но мне казалось, что за одну ночь расстояние стало огромным.

Я осторожно встала, оделась и пошла на кухню.

На столе лежал телефон Дмитрия.

Он редко оставлял его без присмотра. Даже дома экран почти всегда находился в пределах его видимости.

Я не собиралась ничего искать. По крайней мере, именно так я убеждала себя, пока ставила чайник.

Но телефон загорелся.

На экране появилось уведомление:

«Михаил: Нам нужно поговорить. Ты обещал, что она ничего не узнает».

Я замерла.

Сообщение исчезло с экрана, но я успела прочитать каждое слово.

Через несколько секунд из спальни донёсся голос Дмитрия:

— Ань, ты где?

Я взяла чашку и сделала вид, что занимаюсь завтраком.

— На кухне.

Он появился в дверях, сонный, с растрёпанными волосами.

— Ты рано встала.

— Не спалось.

Дмитрий посмотрел на телефон, лежавший на столе, и сразу взял его в руки.

Я ничего не сказала.

Он тоже.

Но теперь у меня появился ещё один вопрос.

Кто такой Михаил для Дмитрия?

И что именно он обещал ему скрыть? В квартире мамы я оказалась ближе к обеду.

Я решила вернуться туда одна. Мне нужно было найти хоть что-нибудь, что могло объяснить происходящее.

В прихожей всё ещё пахло маминими духами. Я невольно остановилась возле зеркала, на полке под которым лежала её старая расчёска.

Когда-то мама всегда поправляла мне волосы перед выходом из дома.

«Женщина должна помнить, какая она красивая, даже когда сама об этом забывает», — говорила она.

Я провела пальцами по холодной поверхности зеркала.

— Ну почему ты мне ничего не рассказала? — прошептала я.

Ответа, конечно, не последовало.

Я прошла в гостиную и снова открыла шкаф с документами. На этот раз стала проверять каждую папку, каждую фотографию, каждый конверт.

Большинство бумаг относилось к обычным семейным делам. Квитанции, договоры, старые медицинские документы.

В нижнем ящике обнаружилась тонкая тетрадь в коричневой обложке.

На первой странице маминым почерком было написано:

«Не забыть. Михаил. 2006».

Я села на пол и открыла её.

Записи были короткими, иногда состояли всего из нескольких строк.

«Он снова звонил. Сказал, что Павел жив. Я не могу ему поверить».

Ниже:

«Михаил обещает помочь, но я больше никому не верю. Если Павел действительно жив, почему он не ищет дочь?»

Я перелистнула страницу. «Анна спрашивала сегодня об отце. Сказала, что в школе все рисовали семьи, а она не знает, что нарисовать. Я не смогла ответить. Господи, как же мне стыдно».

Я почувствовала, как защипало глаза.

Мама помнила.

Помнила каждый мой вопрос, каждую детскую обиду, каждую попытку понять, почему у других девочек есть папы, а у меня нет.

И всё это время она молчала.

Я продолжила читать.

«Михаил говорит, что Павел не вернётся, пока не будет уверен, что Анне ничего не угрожает. Но кто дал ему право решать за нас?»

Я перечитала фразу.

Павел не вернётся, пока не будет уверен, что Анне ничего не угрожает.

Что это означало?

Кто угрожал мне?

Я перевернула ещё несколько страниц.

Почерк становился всё более неровным.

«Сегодня Михаил пришёл сам. Сказал, что больше не может участвовать в этом. Что однажды правда всё равно выйдет наружу. Я попросила его уйти. Он сказал, что я совершаю ошибку».

Следующая запись была датирована несколькими месяцами позже:

«Я видела человека возле школы Анны. Не знаю, кто он. Возможно, просто совпадение. Но теперь я боюсь отпускать дочь одну».

Я закрыла тетрадь.

Мне стало холодно.

Я вспомнила, как мама провожала меня в школу, как звонила по несколько раз, когда я задерживалась, как просила не ходить домой одной в тёмное время суток.

В детстве я считала её тревожной. Теперь начинала понимать, что, возможно, она действительно чего-то боялась.

В конце тетради был вложен сложенный вчетверо лист бумаги.

Он отличался от остальных страниц. Плотная белая бумага, аккуратный машинописный текст.

Вверху стояла дата: 14 сентября 2012 года.

Я развернула лист.

«Вера.

Я знаю, что ты не хочешь со мной разговаривать, но ситуация изменилась. Александр не должен был вмешиваться. Его отец уже получил документы, и теперь всё может стать гораздо хуже.

Пожалуйста, не позволяй Анне встречаться с ним. Он не виноват в том, что произошло, но его возвращение может привлечь внимание людей, от которых мы столько лет пытались скрыться.

Я не прошу тебя верить мне. Просто подумай о дочери.

Михаил».

Я перечитала письмо дважды.

Сентябрь 2012 года.

Тот самый месяц, когда Александр исчез.

Тот самый месяц, когда была сделана фотография, на которой он стоял рядом с моей матерью.

И теперь я знала: их встреча была не случайной.

Но что за документы получил отец Александра?

И почему его возвращение могло кому-то навредить?

Я достала телефон и сфотографировала письмо.

Потом снова посмотрела на тетрадь.

На последней странице была ещё одна запись. Совсем короткая, почти незаметная. «Если со мной что-нибудь случится, Анна должна узнать правду. Не от Дмитрия. Не от Александра. Только от человека, который был рядом с Павлом в тот день».

Под записью стояла буква «М».

Я провела пальцем по чернилам.

Михаил.

Или, возможно, просто первая буква его имени.

В этот момент телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Я несколько секунд смотрела на экран, прежде чем ответить.

— Алло?

Сначала была тишина.

Потом мужской голос произнёс:

— Анна Белова?

— Да. Кто это?

— Меня зовут Михаил. Нам с вами давно следовало поговорить.

Я почувствовала, как сердце ударило где-то в горле.

— Вы знали мою маму?

— Знал.

— Вы знали моего отца?

На другом конце провода послышался тяжёлый вздох.

— Я был последним человеком, который видел Павла перед его исчезновением.

Я крепче сжала телефон.

— Тогда расскажите, что произошло.

— Не по телефону. — Почему все вокруг меня говорят одно и то же? Что вы все скрываете?

— Потому что некоторые вещи опасно произносить вслух.

Я закрыла глаза.

— Я больше не ребёнок. Мне тридцать два года. Я имею право знать, что случилось с моим отцом.

— Имеете, — ответил Михаил. — Но прежде чем я расскажу вам правду, вы должны кое-что понять.

— Что?

— Ваш муж знает гораздо больше, чем говорит.

Связь оборвалась.

Я ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

Потом медленно опустила руку.

За окном шёл дождь. На улице проезжали машины, люди спешили по своим делам. Мир продолжал жить обычной жизнью, словно ничего не произошло.

А я сидела на полу в квартире своей матери, среди старых писем и фотографий, и понимала, что больше не могу вернуться к прежней жизни.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение было от Александра.

«Анна, не встречайся с Михаилом одна. Пожалуйста. Я объясню почему».

Я посмотрела на экран.

Потом на тетрадь.

Потом на фотографию мамы, которую держала в руках.

И впервые за последние дни мне стало по-настоящему страшно.

Потому что теперь я знала: люди, которым я доверяла, не просто скрывали от меня прошлое.

Они до сих пор боялись его.

Глава 5. Человек из воспоминаний

Есть люди, которых мы забываем постепенно.

Сначала перестаём ждать звонков. Потом перестаём проверять страницы в социальных сетях. Убираем фотографии в дальний ящик, учимся не произносить имя вслух и даже привыкаем к тому, что больше не нужно делить с кем-то свои маленькие радости.

Но иногда достаточно одного взгляда, одного знакомого жеста, чтобы все эти годы рассыпались в прах.

Я сидела на полу маминой квартиры, прижимая к себе старую тетрадь, и понимала, что Александр всё ещё занимает во мне место, которое я считала давно опустевшим.

И это злило.

Злило, что я помню его голос. Злило, что до сих пор замечаю, как он смотрит на меня. Злило, что после пятнадцати лет молчания мне всё ещё хочется услышать от него правду.

Но сильнее всего злило то, что я не могу заставить себя относиться к нему как к чужому человеку.

Я закрыла тетрадь и положила её на стол.

На телефоне оставалось сообщение:

«Анна, не встречайся с Михаилом одна. Пожалуйста. Я объясню почему».

Я набрала ответ:

«Ты уже пятнадцать лет всё объясняешь молчанием. На этот раз я хочу услышать правду».

Отправила.

Сообщение было прочитано почти сразу, но ответа не последовало.

Я усмехнулась.

Похоже, некоторые вещи действительно не меняются.

Впервые я увидела Александра в июне 2011 года. Мне было семнадцать.

Я только закончила школу и чувствовала себя взрослой настолько, насколько вообще может чувствовать себя взрослой девочка, которой мама всё ещё звонила, если та задерживалась после прогулки.

Тот день был тёплым, солнечным и совершенно обычным.

Я пришла в небольшое кафе возле университета вместе с подругой Катей. Мы собирались обсудить поступление, экзамены и наши грандиозные планы на жизнь.

На самом деле мы больше говорили о платьях, мальчиках и о том, куда поедем после выпускного.

Катя сидела напротив меня и что-то увлечённо рассказывала, когда я потянулась за стаканом с лимонадом и случайно задела локтем стоявший рядом поднос.

Стакан опрокинулся.

Лимонад растёкся по столу и начал стекать на пол.

— Господи! — выдохнула я.

— Осторожнее, — раздался мужской голос.

Я подняла голову.

Рядом стоял парень в светлой футболке и тёмной рубашке, небрежно расстёгнутой на пару пуговиц. В одной руке он держал поднос, другой пытался спасти от напитка лежавшую на столе книгу.

— Простите, — пробормотала я.

Он посмотрел на мокрый стол, потом на меня.

— Кажется, лимонад сегодня победил.

Я невольно улыбнулась.

— Я вообще-то не специально.

— Жаль. Я уже хотел предложить тебе устроить соревнование.

Катя прыснула от смеха.

— Она просто очень эмоционально готовится к поступлению. — Тогда желаю удачи, — сказал он. — С таким боевым настроем ты точно всех победишь.

Он поставил поднос на соседний стол, взял салфетки и помог убрать последствия моего маленького происшествия.

Я поблагодарила его.

Он кивнул и уже собирался уйти, когда заметил лежавшую рядом с моей сумкой книгу.

— Читаешь?

— Иногда.

— Это как?

— Когда есть настроение.

Он улыбнулся.

— Честный ответ.

— А ты всегда задаёшь такие странные вопросы незнакомым девушкам?

— Только тем, которые заливают мой стол лимонадом.

Я рассмеялась.

Он протянул руку.

— Александр.

— Анна.

— Очень приятно, Анна.

И почему-то именно в тот момент мне показалось, что этот день запомнится надолго.

Я ещё не знала, насколько.

После той встречи мы случайно столкнулись снова через несколько дней.

Потом ещё раз.

А затем я начала подозревать, что случайности здесь уже ни при чём. Александр оказался знакомым одного из ребят, с которыми общалась Катя. Ему было двадцать. Он учился, подрабатывал и постоянно куда-то спешил.

Он не пытался казаться лучше, чем был.

Мог смеяться над собой, забывал отвечать на сообщения, иногда опаздывал, но всегда находил способ исправить ситуацию.

Мне нравилось, что рядом с ним не нужно было притворяться умной, красивой или особенно интересной.

Я могла рассказывать ему какую-нибудь глупость, и он слушал так, будто это действительно важно.

Однажды мы гуляли по набережной.

Ветер трепал волосы, солнце медленно опускалось за крыши домов, а я рассказывала ему, что хочу однажды увидеть море зимой.

— Почему именно зимой? — спросил он.

— Не знаю. Наверное, потому что оно должно быть совсем другим.

— А летом?

— Летом море слишком предсказуемое.

Александр посмотрел на меня.

— Ты вообще любишь всё усложнять?

— А ты вообще любишь задавать вопросы?

— Только когда мне интересно.

Я отвернулась, чтобы он не заметил улыбку.

— И что тебе интересно?

— Ты.

Я тогда ничего не ответила.

Просто продолжила идти рядом, стараясь не показывать, как сильно забилось сердце.

Вечером он проводил меня до дома.

У подъезда я остановилась. — Спасибо за прогулку.

— Завтра повторим?

— Посмотрим.

— Это значит «да» или «нет»?

— Это значит, что я подумаю.

Он улыбнулся.

— Тогда буду ждать.

Я уже открыла дверь подъезда, когда услышала:

— Аня!

Обернулась.

Александр стоял под фонарём, засунув руки в карманы.

— Что?

— Ты сегодня очень красивая.

Я почувствовала, как горят щёки.

— Ты просто плохо видишь в темноте.

— Возможно. Но завтра проверю ещё раз.

Я поднялась домой с улыбкой, которую не могла скрыть даже от мамы.

Она посмотрела на меня с порога кухни.

— Что случилось?

— Ничего.

— У тебя лицо такое, будто тебе только что подарили целый мир.

Я рассмеялась.

— Мам, перестань.

Вера внимательно посмотрела на меня.

— Его как зовут? Я замерла.

— Кого?

— Того, из-за кого ты сейчас улыбаешься.

Я опустила глаза.

— Александр.

Мама почему-то перестала улыбаться.

Всего на секунду.

Но тогда я не придала этому значения.

— Хорошее имя, — сказала она наконец.

И вернулась к своим делам.

Саша стал частью моей жизни незаметно.

Сначала появились сообщения по утрам.

«Проснулась?»

«Не забыла позавтракать?»

«Как экзамен?»

Потом звонки.

Иногда мы разговаривали по часу, хотя виделись всего несколько часов назад.

Он знал, что я не люблю слишком сладкий кофе, что боюсь больших собак и что, когда нервничаю, начинаю теребить край рукава.

Я знала, что он не любит, когда его жалеют, что всегда носит с собой старые часы отца и что, когда ему плохо, он становится особенно молчаливым.

Мы постепенно узнавали друг друга.

И однажды я поняла, что жду его сообщений сильнее, чем любых других событий.

Это случилось в августе. Мы сидели на ступеньках у старого здания, ели мороженое и спорили о том, можно ли считать счастье чем-то постоянным.

— Думаю, нет, — сказал Александр.

— Почему?

— Потому что всё меняется.

— Но ведь можно быть счастливым долго?

— Можно. Если не пытаться удержать счастье силой.

Я посмотрела на него.

— Ты всегда так говоришь, будто знаешь что-то, чего не знают остальные.

Он усмехнулся.

— Просто иногда думаю больше, чем нужно.

— А я думаю, что ты слишком серьёзный для двадцати лет.

— А ты слишком любопытная для семнадцати.

Я толкнула его плечом.

Он засмеялся, потом вдруг стал серьёзным.

— Ань, можно я тебя кое о чём спрошу?

— Конечно.

— Ты когда-нибудь боялась потерять человека, которого ещё даже не успела полюбить?

Я задумалась.

— Наверное.

— И что делала?

— Старалась не думать об этом.

Он посмотрел на меня так, словно мой ответ его расстроил.

— А если не получится?

— Тогда, наверное, придётся научиться жить с этим страхом. Он ничего не сказал.

Только взял меня за руку.

И впервые поцеловал.

Я долго думала, что первая любовь обязательно должна быть идеальной.

Что люди, которые любят друг друга, никогда не сомневаются, не обижаются и не уходят.

Саша научил меня другому.

Он мог быть упрямым. Иногда закрывался в себе, не объясняя причин. Иногда говорил, что всё хорошо, хотя по его глазам было понятно обратное.

Но рядом с ним я впервые чувствовала, что меня видят настоящей.

Не только весёлой, красивой и беззаботной.

Он замечал, когда я грустила. Помнил, о чём я мечтала. Мог среди обычного дня прислать фотографию неба и написать: «Посмотри, какое красивое. Хотелось показать тебе».

Однажды он подарил мне маленький серебряный кулон в форме звезды.

— Почему звезда? — спросила я.

— Потому что ты всё время куда-то смотришь.

— Куда?

— Туда, где ещё ничего нет. Будто уже знаешь, что там тебя ждёт что-то хорошее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.